СОВЕТСКАЯ РОССИЯ 17 АВГ 1980

ГОВОРЯТ, ЧТО...

А КАК НА САМОМ ДЕЛЕ?

В редакцию поступают письма от читателей, в которых они выражают огорчение и возмущение по поводу всякого рода вымыслов и слухов, распространяемых за рубежом и охотно муссируемых западными радиостанциями о советском актере Владимире Высоцком с целью исказить его взгляды и убеждения. «Мы знали и помним В. Высоцкого как талантливого актера, слушали его выразительные песни на эстраде, видели яркие роли в кино,— пишет москвич В. Балязин,— хотелось, чтобы на страницах газеты были отметены нелепые россказни о нем».

Своими воспоминаниями и размышлениями делится заслуженная артистка РСФСР Алла Демидова, много лет знавшая Владимира Высоцкого по совместной творческой работе.

Таким запомнился

Алла ДЕМИДОВА

Наверное, еще не пришло время для связного и подробного рассказа о Высоцком. Понадобится время, чтобы со стороны оглядеть, разобрать и оценить наше поколение, а Володя был одним из его ярких выразителей. У меня не получится, наверное, цельного рассказа. Я скажу о том, что чаще всего приходит теперь на память, что передумалось и перечувствовалось в эти дни

В начале 60-х годов все мы начинали очень весело и беспечно, мало задумываясь о будущем. Весело карабкались по гладкой стене искусства, кто-то сходил с дистанции, кто-то удобно устраивался на выступах достигнутого. Но те, кого природа одарила талантом, продолжали взбираться по этой стене, которая не знает конца. Иногда не хватало физических сил, и люди срывались. Мы теряли друзей: Гену Шпаликова, Василия Шукшина, Ларису Шепитько... Но это было потом, а начало было легким и прекрасным.

* * *

В 217-й раз мы играем «Гамлета». Очень душно. И мы уже на излете сил — конец сезона, недавно прошли напряженные и ответственные гастроли в Польше. Там тоже играли «Гамлета». Володя плохо себя чувствует, выбегая со сцены, глотает лекарства. За кулисами дежурит врач «скорой помощи»... Во время спектакля даже забывает слова. В начей сцене с Гертрудой после реплики Гамлета: «Вам надо исповедаться» — тихо спрашивает меня: «Как дальше, забыл». Я подсказала, он продолжал. Играл хорошо.

* * *

Я вспоминаю Володю, когда он пришел в наш только что организованный Театр на Таганке. Он стоял на лестнице после спектакля «Десять дней, которые потрясли мир», стоял с неизменной своей гитарой и пел недавно сочиненную песню «На нейтральной полосе цветы»... Мы бежали мимо, торопясь по своим делам, а он стоял и пел. Пел просто от хорошего настроения, от молодости, от здоровья, от надежды, от легкой влюбленности, оттого, что не петь не мог, даже если слушатели пробегают мимо. Мне тогда не могло прийти в голову, что у Володи будет такой яркий и трудный путь. Мы все бежали, спешили тогда, не только по лестнице, но и в жизни, не очень оглядываясь друг на друга. Это потом Володя напишет: «Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее...»

Когда мы стали взрослеть, подходить к профессии серьезнее, вернее, стали что-то постигать в ней,—у Володи это совпало с большими, заметными работами в театре. Он прекрасно сыграл Хлопушу в есенинском «Пугачеве», брехтовского Галилея, стал репетировать Гамлета...

Гамлет — роль, требующая от актера полного самовыражения, отточенного профессионализма, глубоких человеческих качеств и точного адреса времени. За десять лет, прошедших с премьеры, я видела, как менялся Володя в этой роли, рос и профессионально мужал, взрослел человечески, вырастал в крупного актера, за плечами которого стояло время. Начинал он в Гамлете с узнаваемых мальчиков 60-х годов — в джинсах, с короткими крепкими шеями, спортивной, взрывной пластикой, для которых не существовало вопроса «не быть», а был только ответ «быть»... Закончил же он эту роль мудрым философом, с душевной болью, с глубокой ответственностью перед временем и людьми.

* * *

Опять «Гамлет». Володя внешне спокоен, не так возбужден, как 13-го. Сосредоточен. Текст не забывает. Хотя в сцене «мышеловки» опять убежал за кулисы — снова плохо с сердцем. Вбежал на сцену очень бледный, но точно к своей реплике. Нашу сцену сыграли ровно. Опять очень жарко. Духота. Бедная публика! Мы-то время от времени выбегаем на воздух в театральный двор, а они сидят тихо и напряженно. Впрочем, они в легких, летних одеждах, а на нас — чистая шерсть, ручная работа — очень толстые свитера и платья. Все давно мокрое. На поклоны почти выползаем от усталости. Кто-то сказал: «Фронтовые условия». Я пошутила: «А слабо, ребятки, сыграть еще раз». Никто даже не засмеялся, и только Володя вдруг остро посмотрел на меня: «Слабо говоришь. А ну, как — не слабо!» Понимая, что это всего лишь «слова, слова, слова...», но, зная Володин азарт, я на всякий случай отмежевываюсь: «Нет уж, Володя, сыграем 27-го»...

* * *

Сегодня часто сетуют и в газетах, и на страницах журналов, и просто в беседах, что женщины растеряли свою женственность, а мужчины переняли много женских черт: слабость, незащищенность, отсутствие воли и постоянное прислушивание к собственному состоянию и настроению. В характерах актеров эти черты времени проявляются, как в зеркале, укрупненно, особенно заметно. Актер — профессия «женского рода»: желание нравиться на сцене. А потом это переходит в быт.

Высоцкий — один из немногих актеров, а в моей практике — единственный партнер, который постоянно достойно вел мужскую тему. Вести женскую тему на его крепком фоне было легко. От его неудержимой силы, мужественности, темперамента сама собой у меня возникала тема незащищенности, слабости, растерянности... В такой расстановке сил у нас проходили дуэты и в «Гамлете»—Гертруда—Гамлет, и в «Вишневом саде» — Раневская — Лопахин. Таким же дуэтом мы хотели играть и в пьесе Уильямса «Игра для двоих», которую репетировали в последний год. Это был бы, кстати, и режиссерский дебют Высоцкого. Работа для нас была очень важной и нужной — она подводила определенную черту...

Вместе со спектаклями, которые ушли из репертуара нашего театра вместе со смертью Володи, для меня ушел лучший партнер, у которого я училась, как быть всегда в форме (а Володя не давал себе спуска даже в самые тяжелые дни, когда был нездоров); как читать стихи (Володя как поэт остро чувствовал ритм и строчку); как не уставать и приходить на репетицию утром в творческом состоянии; как работать, расширяя постоянно рамки своих возможностей; как быть безжалостным к себе во имя любимого дела...

Очень много людей пишут стихи. А поэтов мало. Научиться писать стихи — дело, наверное, нехитрое. Владеть размером, отработать безукоризненный стиль — тоже можно. Но услышать ритм своего времени, раствориться в этом музыкальном ритме, жить им — это уже может только поэт. Высоцкий—поэт. И жил, как поэт (кто-то сказал, что поэт — это прежде всего судьба), и умер, как поэт, сорвавшись на самой высокой ноте.

По сути Высоцкий в чем-то похож на Шукшина. Та же многоплановость воплощения. Очень русское проявление — в одном не укладываюсь. Ищу себя в разном... Но во всех проявлениях несу людям свой мир.

Кем был в большей степени Высоцкий? Актером театра? Автором, исполнителем песен? (Написаны сотни песен!) Киноартистом? Писателем (остались его проза, сценарии, сказки)? Режиссер не успел снять фильм, над которым работал, а в театре — поставить пьесу Уильямса. Думаю, что здесь нельзя провести границы. В песнях он был актером, на сцене оставался поэтом. Разносторонность не мешала, а помогала. В театр некоторые шли «на Высоцкого», потому что любили его песни, песни облагораживали театр. Может быть, театр научил фактурности, образности в его песнях, которые Володя так прекрасно умел исполнять от лица тех, о ком он пел: он был то ЯКом-истребителем, то приобретал облик эдакого человека в надвинутой кепочке, с желваками и ложной романтикой, то становился каким-нибудь чудаком, сидящим дни и ночи у телевизора...

* * *

Если бы Володя не был чутким музыкантом, он, вероятно, не сыграл бы в театре (как это ни парадоксально звучит!) так многогранно и глубоко Лопахина в «Вишневом саде», например. Это одна из любимых мною ролей в Володином репертуаре. Лопахин — купец. Но не купец Островского. Это купец начала века, когда появились Морозовы и Мамонтовы. Из тех купцов, которые создавали МХАТ, картинные галереи, помогали революционерам, а в конце жизни вешались или стрелялись... Володя очень точно передавал эту трагическую ноту образа. Несмотря на то, что Лопахины приходят на смену обитателям вишневого сада, они, Лопахины, тоже обречены. Лопахин говорит: «Иной раз, когда не спится, я думаю: господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...» Как замирал зал, когда Володя произносил эти слова!

* * *

На осенних гастролях в Тбилиси за кулисы пришел молодой, нам неизвестный фотограф и стал показывать снимки Высоцкого, которые только что сделал. Он явно гордился своей работой. Володя плохо себя чувствовал, был в нервном, раздраженном состоянии и не очень внимательно перебирал эти фотографии. Последнее время он стал уставать от бесконечных писем, поклонников, самодеятельных фотографов, плохих записей его песен, любителей автографов. Иногда уже не делая в этом различия истинного от наносного. Фотограф попросил надписать одну из фотографий. Володя, насторожившись, спросил: «Зачем?» «Я же автор!» Но Володя, уже не стесняясь меня, грубо выгнал этого автора. Я пыталась успокоить Володю, не очень понимая причин этой неожиданной грубости, но в ответ слышала только одно: «Надоели! Надоели!».

* * *

Вспоминаю наши гастроли на КамАЗе. Мы шли тогда по очень длинной прямой улице к гостинице. Было жарко, все окна настежь. И изо всех окон на полную громкость звучали песни Высоцкого. Володя шел по этой улице, как Спартак, как гладиатор, выигравший победу...

* * *

Истинное творчество народно. У Высоцкого-поэта слово приходило с улицы и, очистившись его талантом, на улицу уходило. В его творчестве — прорыв к каждому. Может быть, любили его и не все, но знали. Отцы и дети. Старики и молодежь. Космонавты, пионеры, шахтеры, студенты. Его интерес — жизнь всех. У него нет злых песен, хотя он касался разных, отнюдь не самых светлых сторон жизни... Он очень любил Человека!

А голос уникальный. Перевести фразу с голоса на мысль — осмыслить, осознать произносимое — не всегда успеваешь: плывешь по звукам. Голос — и чувство в ответ, вне словесного промежутка. Голос — не только как инструмент, но и как разум.

И неотъемлемая деталь — гитара. В записи с оркестром—это уже не Высоцкий. Володя воспринимался только с гитарой. Но гитара у него была не только средством аккомпанемента, но и жестом — поэтическим и духовным. Этот жест вошел и в его театральные работы: гитара есть и у Гамлета, и у Свидригайлова — последней театральной работе Высоцкого в спектакле «Преступление и наказание» по Достоевскому.

* * *

Дома у Володи. Длинный стол без стульев. Близкие друзья и родственники. Говорила мать о том, что Володя был хорошим сыном. Потом отец говорил, что с детства Володя всех звал по имени-отчеству, что его приняли сразу во все театральные институты... Они гордились сыном... Говорил его ближайший друг о том, какой непростой человек был Володя и как не надо сейчас об этом забывать. Человек сложный, иногда резкий, неуступчивый...

Потом говорил очень старинный друг Володи. Я знала по Володиным рассказам, что у него есть друг, что этот друг живет на Байкале и что, когда Володе плохо, он всегда едет на Байкал к своему другу.

* * *

«Поспешай не торопясь» — есть такая хорошая русская пословица. Какой он был? Нужно неторопливое, вдумчивое размышление о судьбе этого актера и человека.